

ЕКАТЕРИНА
МОРДВИНЦЕВА

УСПОКОИТЕЛЬНЫЙ
СБОР
В
ВАЛЕРΙΑНКА ДЛЯ
ТАНКА

Екатерина Мордвинцева Успокоительный сбор. Валерианка для танка

<https://litres.ru/74211504>

Аннотация

Она — примерная студентка-биохимик, подрабатывающая в ночной аптеке. Он — раненый бандит с цепкими серыми глазами, который падает на неё в тёмной подворотне. Вместо того чтобы закричать, она суёт ему в рот таблетку валерианки. Эта случайная встреча переворачивает её размеренную жизнь. Теперь её мир — это перевязки, пистолеты, запах пороха и обещание: «Не влюбляться в преступника». Но можно ли устоять перед тем, кто называет себя Танком и смотрит на неё так, будто она — его последняя надежда?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	22
Глава 2	46
Глава 3	67
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Пролог

Я не должна была здесь быть.

Эта мысль приходит слишком поздно, когда дворы уже сомкнулись надо мной, как челюсти старого капкана. Впрочем, капкан — это слишком романтично. Скорее, как желудок акулы: темно, сыро и пахнет чем-то нехорошим, что ты не хочешь разбирать по запахам.

Час ночи. Или уже два? Телефон я вытащила, но экран не заггла — берегла последние проценты батареи на случай, если придётся звонить в такси. Хотя какое такси в этом районе? Здесь даже «Яндекс» плюёт на заказ с такой геолокацией.

«Юля, ну ты дура, — говорю я себе мысленно, перешагивая через лужу, которая на самом деле может быть и не лужей. — Взрослая девочка, пятый курс, а как увидела скидку на редкие реактивы — всё, мозг отключился».

Если бы моя мама знала, что я торчу в университетской лаборатории до полуночи, а потом прусь через спальный район пешком, потому что последнюю тысячу рублей я потратила на тот самый реактив... Мама бы меня убила. Собственноручно. И была бы права.

Но мама сейчас в трёхстах километрах, в областной больнице, и она не знает ничего. Ни про реактивы, ни про то, что я перестала есть нормальные обеды, чтобы оплатить её ана-

лизы. Ни про то, что я сплю по четыре часа в сутки, потому что сессия, подработка в аптеке и ещё этот дурацкий курсач по биохимии.

Я — примерная студентка. Отличница. Гордость потока. И именно поэтому я идиотка, которая в час ночи прёт через дворы с рюкзаком, полным конспектов, и с пакетом, в котором гремит пузырёк дешёвой валерианки.

Валерианка — это моё всё. Когда накрывает тревога, когда сердце начинает биться где-то в горле, когда кажется, что я не вывожу, — я глотаю одну таблетку. Иногда две. Врач сказал, что это плацебо. Но мне плевать. Мне помогает даже сам процесс: открыть пузырёк, достать белую крошечную таблетку, положить под язык.

Контроль. Хотя бы над этим.

Рюкзак тянет плечо вниз. Левая нога начинает ныть — старый ушиб, ещё со школы, когда я неудачно упала на физре. Осенний ветер забирается под тонкую куртку, которую я купила на распродаже три года назад. Она уже не греет, просто создаёт иллюзию одежды.

Вокруг — пятиэтажки. Хрущёвки. Облезлые, с тёмными окнами, только в некоторых горит тусклый свет — телевизоры, ночники, чужая жизнь. Я живу в двух остановках отсюда, в такой же хрущёвке, в комнате на девятом этаже без лифта. Девять этажей пешком — это тоже моя ежедневная кардиотренировка. Бесплатно.

Двор называется «бандитским». Местные так его называ-

ют. Я здесь уже третий год и ни разу не видела бандитов. Только пьяных дядек у лавочек и старух, которые сидят на скамейках даже в дождь, потому что дома им ещё тоскливее.

Но сегодня почему-то тихо. Даже старух нет. Даже собак. Только ветер шуршит опавшими листьями — мокрыми, слипшимися, похожими на дохлых мышей.

Я ускоряю шаг. До моего подъезда осталось два двора. Если пройти через арку, потом мимо детской площадки с ржавыми качелями, потом через ещё одну арку — и я дома. Тёплый подъезд, запах кошачьей мочи и старых обоев, девять этажей пешком, ключ, щелчок замка, дверь, тишина.

Я так хочу в эту тишину. Так хочу скинуть ботинки, налить чай, включить ноутбук и просто выдохнуть.

Я даже представляю этот момент. Вкус чая с мятой. Тепло от кружки в ладонях. И тишину, которую никто не нарушит.

Потому что в моей жизни никто её не нарушает уже очень давно.

Нет, не подумайте. Я не жалуюсь. У меня есть мама, есть пара подруг по переписке, есть заведующий кафедрой, который называет меня «светлая голова». Это много. Это нормально. Просто иногда, когда я иду через эти дворы ночью, я ловлю себя на мысли, что если я сейчас исчезну, то никто не хватится до утра. А утром — только лаборантка Зинаида Петровна, которая спросит: «А где наша Юля? Ах, не пришла? Ну и ладно».

Я не жалуюсь. Я просто констатирую факты. Факт: я одна.

Факт: я к этому привыкла. Факт: валерианка помогает.

Первый двор я прохожу быстро. Здесь есть фонарь — один на весь двор, тусклый, с жёлтым светом, который создаёт больше теней, чем освещает. Моя тень вытягивается, становится длинной и тонкой, как палец. Я смотрю под ноги, чтобы не наступить в какую-нибудь гадость.

Второй двор — детская площадка. Качели скрипят на ветру, как старая колыбельная. Песочница залита дождём. Горка с облупившейся краской.

Я всегда ускоряюсь здесь. Потому что здесь темнее всего. Фонарей нет — сгорели ещё летом, а чинить никто не собирается. Только свет из окон первых этажей, но и он скудный.

Я почти на середине площадки, когда слышу шаги.

Шаги сзади.

Моё сердце делает кульбит и застревает где-то в гортани. Я не оборачиваюсь. Ни в коем случае нельзя оборачиваться. Мама учила: если кажется, что за тобой идут, — ускоряйся, не оборачивайся, иди к людям, к свету. Но здесь нет людей. И света нет.

Шаги быстрые. Тяжёлые. Не крадущиеся — они громкие, сбивчивые, как будто человек бежит, но спотыкается.

Я перехожу на быстрый шаг. Почти на бег. Рюкзак гремит, пакет с валерианкой больно бьёт по ноге.

— Эй! — голос сзади. Хриплый, мужской. — Стой!

Ну уж нет.

Я срываюсь на бег. Кроссовки шлёпают по мокрому ас-

фальту. Я бегу к арке, к спасительной темноте, за которой мой подъезд. Я бегу, как никогда в жизни не бегала. Даже на физре, когда ставили зачёт на время.

Но он догоняет.

Я не понимаю как. Я слышу его дыхание — прерывистое, с хрипом, как у астматика. Он рядом. Он почти за спиной.

Я открываю рот, чтобы закричать, но звук застревает. Потому что в этот момент что-то тяжёлое обрушивается на меня — нет, не на меня, рядом — и я лечу вперёд, теряя равновесие.

Я падаю.

Но не на асфальт. На что-то мягкое. Тёплое. Живое.

Я падаю на него.

Минута — или вечность? — я лежу, не дыша. Моя ладонь упирается во что-то мокрое и липкое. Пахнет железом. Пахнет кровью. Я знаю этот запах — я работаю в аптеке, я видела кровь, но не так, не на себе, не в темноте чужого двора.

Подо мной — человек. Мужчина. Он тяжело дышит, и каждое дыхание похоже на всхлип.

— Пусти, — хрипит он. — Быстро.

Я не могу пошевелиться. Меня парализовало. Не от страха — от шока. Мой мозг отказывается обрабатывать информацию: я шла домой, сейчас должна была пить чай, а вместо этого лежу на ком-то в грязи, и у меня руки в крови.

— Я сказал, — он пытается меня оттолкнуть, но рука слабая, почти детская. — Вставай.

Я встаю. На ватных ногах. Отступаю на шаг, два, три, пока не упираюсь спиной в холодную стену арки.

И тогда я его вижу.

Света почти нет, только далёкий желтоватый отблеск из окна первого этажа — там кто-то не спит, смотрит телевизор, и синий экран мелькает на потолке, но сюда, в арку, доходит только слабое эхо.

Он лежит на боку, подогнув колени, как эмбрион. Одна рука прижата к животу, вторая вытянута вдоль тела, пальцы сжимают что-то — кажется, нож. Или пистолет? Не вижу. Одет в тёмную куртку, которая блестит от влаги. И от крови.

Много крови. Она растекается под ним, тёмная, почти чёрная в этом свете.

Он поднимает голову.

Я не вижу лица — только глаза. Цепкие. Хищные. Такие глаза бывают у зверей, которые зажаты в угол, но ещё не сдались. В них нет страха. Нет боли. Есть только расчёт и злость.

Или нет. Мне кажется, или там ещё что-то? Усталость? Обречённость?

— Не кричи, — говорит он тихо. Не просит — приказывает. Голос низкий, с хрипотцой, но странно спокойный. — Если ты крикнешь, я умру. Но сначала убью тебя. Поняла?

Я киваю. Хотя ничего не поняла. Мои губы трясутся, колени дрожат, я сжимаю пакет с валерианкой так, что пальцы белеют.

— Ты кто? — выдыхаю я.

Он не отвечает. Пытается приподняться, но стонет и снова падает. Я слышу, как хрустит гравий под его телом. Слышу, как его дыхание становится реже.

Он истекает кровью. Это очевидно даже мне — гуманитария (шутка, я биохимик, я знаю, сколько крови в человеке, и знаю, что когда она вытекает так быстро — это конец).

— Мне нужна помощь, — говорит он вдруг уже слабее. — Вызови...

И замолкает. Глаза закатываются.

Нет. Нет-нет-нет.

Я не должна этого делать. Я должна развернуться и бежать. Я должна забиться в угол и не дышать. Я должна кричать, звать на помощь, полицию, скорую.

Но я — дура добрая. Я — та самая девочка, которая подкармливает бездомных котов, которая отдала последнюю тысячу на реактивы, потому что это поможет науке, которая не может пройти мимо чужой боли, даже если эта боль принадлежит бандиту в подворотне.

Я подхожу к нему.

Осторожно. Медленно. Как к дикому зверю. Он не шевелится, но глаза полуоткрыты — белки блестят в темноте.

Я опускаюсь на колени рядом с ним. В лужу. В его кровь. Штаны промокают мгновенно, холод пробирается к коже, но я не чувствую ничего, кроме липкого ужаса на ладонях.

— Эй, — шепчу я. — Эй, ты меня слышишь?

Он не отвечает. Дышит — прерывисто, с присвистом.

Плохой признак. Если повреждено лёгкое...

Я не врач. Я даже не медсестра. Я студент-биохимик, я знаю, как работает клетка, но я понятия не имею, как штопать человека.

Но в моём пакете — валерианка.

Господи, какая ирония. У меня нет бинтов, нет антисептика, нет ничего полезного. Только пузырёк с дешёвыми таблетками от тревоги.

Я открываю пакет дрожащими руками. Пузырёк выскальзывает, падает в лужу, я хватаю его, вытираю о куртку. Откручиваю крышку — пальцы скользят от крови. Наконец получается.

Я высыпаю на ладонь одну таблетку. Белую, маленькую, невинную.

Что я делаю? Зачем?

Я не знаю. Может быть, это шок. Может быть, инстинкт. Когда мне плохо — я принимаю валерианку. Значит, и ему поможет? Глупо. По-детски глупо.

Но я уже засовываю таблетку ему в рот. Между приоткрытых губ. Он не сопротивляется — он без сознания. Или почти без. Его язык холодный, губы шершавые.

— Глотай, — командую я шёпотом. — Глотай, чёрт тебя дерит.

И тогда это происходит.

Он открывает глаза.

Полностью. Смотрит на меня. В упор. И на его лице —

грязном, в крови, с разбитой бровью — появляется усмешка. Кривая, болезненная, но отчётливая.

Он усмехается.

— Ты... — выдыхает он. Голос — как скрип ржавых петель. — Ты или святая, или самоубийца.

Я замираю.

Его глаза — они странные. Не тёмные, нет, я думала, будут чёрные, а они светлые. Серые. Стальные. Как у тех людей, которые видели слишком много, чтобы удивляться. В них нет благодарности. Нет тепла. Только любопытство. Холодное, хищное любопытство: «И что ты теперь сделаешь, маленькая аптекарша?»

— Валерианка, — бормочет он, слизывая таблетку с языка. — Ты мне валерианку сунула. Вместо скорой. Ты... психопатка.

— Я... — начинаю я, но он уже не слушает.

Его глаза закатываются. Веки тяжелеют. Тело обмякает, и он падает на бок, прямо в лужу крови, которая теперь смешивается с дождевой водой.

Он теряет сознание.

Я сижу на коленях в чужой крови и смотрю на него. На мужчину, которого не знаю. На бандита, который только что назвал меня святой или самоубийцей.

Может быть, и то, и другое.

Потому что сейчас я должна сделать выбор: вызвать полицию и спасти себя — или попытаться спасти его и навсегда

связать свою жизнь с чем-то тёмным, опасным, от чего мама предупреждала меня с детства.

Ветер дует в арку, поднимая мои волосы. Где-то далеко лает собака. В одном из окон гаснет свет — человек ложится спать, не зная, что в двух метрах от его дома умирает кто-то, кто мог бы быть убийцей, или героем, или просто потерянным.

Я достаю телефон.

Батареи — два процента.

Два.

Я могу позвонить в полицию. Или в скорую. Один звонок. Одна попытка.

Но его глаза. Эти серые глаза, которые смотрели на меня с усмешкой даже в предсмертном бреду. Они не отпускают.

Я убираю телефон.

— Дура, — говорю я себе вслух. — Ты дура, Юлия.

Я снимаю рюкзак, вытряхиваю его содержимое на асфальт. Конспекты, ручки, яблоко, которое я забыла съесть, флешка, старый чек. Всё летит в сторону.

Рюкзак пустой. Я расстёгиваю молнию до упора.

— Ну давай, — шепчу я бессознательному телу. — Давай, залезай. Ты весишь, наверное, сто килограммов, а я вешу пятьдесят, и у меня спина больная, но если я сейчас тебя не утащу — ты умрёшь. А я не хочу, чтобы кто-то умирал на моих глазах. Даже такой придурок, как ты.

Он не отвечает. Естественно.

Я хватаю его за ворот куртки и тяну.

Это тяжело. Это невыносимо тяжело. Он как мешок с цементом, только тёплый и мокрый. Мои пальцы скользят, я падаю, снова встаю, тащу. По асфальту, через лужи, к выходу из арки.

Я не знаю, куда я его тащу. Ко мне домой? В подвал? В аптеку? Аптека закрыта. Домой — далеко, девять этажей без лифта, я не дотащу.

Есть подвал в соседнем доме. Дверь всегда открыта, там сухо и темно. Туда.

Я тащу его, задыхаясь, обливаясь потом, чувствуя, как рвутся мышцы на спине. Он стонет, но не приходит в себя. Хорошо. Если бы он очнулся, он бы меня, наверное, пристрелил за такое обращение.

Дверь в подвал — ржавая железка, которая скрипит, как тысяча демонов. Я открываю её плечом, затаскиваю его внутрь, падаю рядом.

Темно. Холодно. Пахнет плесенью, мочой и смертью.

Но здесь безопасно. На время.

Я вытираю руки о джинсы. Они все красные. Мои джинсы, моя куртка, моё лицо — я чувствую липкую маску на щеке. Я похожа на жертву резни.

А он лежит на бетонном полу, и я слышу, как его дыхание становится всё тише и тише.

— Эй, — я трясущу его за плечо. — Эй, не смей умирать. Ты меня не дождался? Я тебя спасла, чтобы ты тут коньки

отбросил? Нет уж.

Он не отвечает.

Я закрываю дверь подвала и в полной темноте начинаю шарить по карманам — у него, у себя. Мне нужен телефон. Свет. Хотя что-то.

Мой телефон — один процент. Я включаю фонарик.

Свет вырывает из темноты его лицо.

И теперь я вижу его по-настоящему.

Молодой. Тридцать? Может, чуть больше. Жёсткие черты, острые скулы, сломанная бровь — старая, не сегодня. Губы тонкие, сжатые даже в бессознательном состоянии. Татуировка на шее — какая-то буква, не разобрать.

Он красивый. Не той красотой, которой любят в музеях, а той, от которой у нормальных девушек включается инстинкт самосохранения. Опасный красивый.

Как пистолет. Как нож. Как тишина перед выстрелом.

Я смотрю на него, и где-то глубоко внутри меня что-то щёлкает. Переключается. Как будто жизнь делится на «до» и «после». До этой ночи я была примерной студенткой Юлей, которая боялась опаздывать на пары и глотала валерианку от тревоги. После этой ночи...

Я понятия не имею, кем я стану после этой ночи.

Но почему-то мне не страшно.

Странно. Должно быть страшно. Я одна в подвале с раненым бандитом, у меня нет бинтов, нет лекарств, нет связи (телефон сел), и я только что совершила преступление — не

вызвала скорую, не сообщила в полицию, укрывала преступника.

По закону я соучастница.

По совести — я просто не смогла пройти мимо.

Мама говорит, что доброта — это болезнь. Что в этом мире добрых съедают первыми. Но мама сейчас в больнице, и она не видит, как я сижу на корточках перед незнакомцем в подвале и пытаюсь остановить его кровь своим шарфом.

Шарф был белый. Теперь он красный.

— Держись, — шепчу я. — Пожалуйста. Я ещё не знаю, как тебя зовут. Я даже не знаю, зачем я это делаю. Но ты не умрёшь сегодня. Понял?

Он не слышит.

Но его губы чуть заметно двигаются. Он что-то шепчет. Я наклоняюсь ближе.

— Не вызывай... — шепчет он. — Полицию... Не надо...

— Не вызову, — отвечаю я. — У меня телефон сел.

Он усмехается во сне. Или в бреду. И снова замолкает.

Я сижу рядом, прижимаю шарф к его ране (кажется, в боку, но темно, я не вижу), и считаю секунды.

Один. Два. Три.

До утра ещё шесть часов.

Шесть часов в подвале с человеком, который мог бы меня убить, но вместо этого лежит у меня на коленях и дышит так, будто каждое дыхание — последнее.

Я думаю о валерианке. О той таблетке, которую я сунула

ему в рот.

Какая ирония: я пыталась успокоить его перед смертью.

Или себя.

Наверное, себя.

Потому что если я сейчас начну паниковать — мы оба умрём. Он — от потери крови, я — от страха.

Поэтому я сижу тихо, сжимаю шарф и жду.

И в этой крошечной тьме, в этом запахе крови и сырости, я впервые за много лет чувствую себя живой.

Не правильной. Не примерной. Не удобной.

А просто живой.

И это пугает меня больше, чем раненый бандит у моих ног.

Рассвет пробивается сквозь щели в двери подвала серыми, больными полосами. Я не спала. Всю ночь я меняла импровизированные повязки — рвала свою футболку (она была под курткой), использовала носовые платки, даже тетрадные листы, прижимая их к ране, чтобы остановить кровь.

Кровь почти остановилась. Или ему просто нечем больше истекать.

Он бледный. Слишком бледный. Даже в этом сером свете видно, что его лицо похоже на восковую маску. Губы синие.

Но он дышит. Ровно. Глубоко.

Выжил.

Я не знаю, как. Я не врач. Может быть, рана была не такой глубокой, как казалось в темноте. Может быть, ему просто повезло. Или мне.

Я сижу, прислонившись к холодной стене, и смотрю на него. Мои руки трясутся — от холода, от голода, от усталости. Я не ела с обеда. Я не спала. Я промокла насквозь и вымазалась в чужой крови.

И я должна идти. На пары. Сессия, чёрт возьми.

Но я не могу его оставить.

— Что же мне с тобой делать? — шепчу я.

И в этот момент он открывает глаза.

Не резко, как вчера. Медленно. Веки поднимаются, как тяжёлые шторы. Сначала я вижу только белки — красные, воспалённые. Потом радужку.

Серую.

Стальную.

Цепкую.

Он смотрит на меня. Долго. Так долго, что мне становится не по себе.

— Ты жива, — говорит он хрипло. — А я думал, мне приснилось.

— Жива, — отвечаю я. Голос садится, я почти не узнаю его.

— Где мы?

— Подвал.

Он оглядывается. Медленно, потому что каждое движение даётся ему с трудом. Опирается на локти, шипит от боли, но садится. Смотрит на свою рану — теперь, при свете, я вижу: ножевое, в правом боку, но, кажется, неглубокое. Повезло.

— Ты меня сюда притащила? — спрашивает он.

— А кого ещё? — огрызаюсь я. Усталость делает меня злой. — Ты вешишь, как холодильник. У меня теперь спина болит. И футболка испорчена. И шарф. И джинсы.

Он усмехается. Той же кривой усмешкой, что и вчера.

— Ты странная, — говорит он. — Я тебя напугал до полусмерти, пригрозил убить, истекаю кровью, а ты переживаешь за футболку.

— У меня мало вещей, — отвечаю я жёстко. — И я не обязана была тебя спасать. Могла бросить. Вызвать полицию.

— Почему не бросила?

Я замолкаю. Потому что сама не знаю ответа.

— Валерианка, — говорю я наконец. — Я сунула тебе в рот валерианку. Ты сказал, что я святая или самоубийца.

— И кто же ты?

Я смотрю ему в глаза.

— Ещё не решила.

Он смеётся. И сразу хватается за бок — больно.

— Чёрт, — выдыхает он. — Больно, как в первый раз.

— В первый раз что?

— В первый раз, когда меня порезали.

Я не хочу знать подробности. Я не хочу знать, кто он, откуда, почему на него напали. Я хочу, чтобы эта ночь закончилась, и я могла вернуться в свою маленькую, скучную, безопасную жизнь.

Но я уже не вернусь. Я знаю это. Как только я положила таблетку валерианки ему на язык — я подписала себе билет в другой мир.

— Мне нужно идти, — говорю я, поднимаясь. Ноги затекли, я едва стою. — У меня пары. Сессия.

— Ты студентка? — он смотрит на меня с любопытством, как на новый вид бактерии под микроскопом.

— Биохимик.

— Умная, значит.

— Не твоё дело.

Он хмыкает.

— Ты меня спасла. Теперь я твой должник. Такие вещи просто так не заканчиваются.

— Я ничего от тебя не хочу. — Я отряхиваю джинсы. Бесполезно, они уже не отстираются. — Залечишь рану — и забудь, что меня видел.

— Не забуду, — говорит он тихо. И в его голосе нет угрозы. Есть что-то другое. Твёрдое. Непреклонное. — Ты — первая, кто не закричал. Кто не убежал. Кто сунул мне в рот таблетку от нервов вместо того, чтобы вызывать ментов. Ты... неправильная. Мне такие нравятся.

— Мне плевать, что тебе нравится. — Я иду к двери. —

Оставайся здесь до вечера. Я приду... я подумаю, что делать.

— Придёшь? — он усмехается. — А если я умру до вечера?

— Не умрёшь. — Я открываю дверь, и серый утренний свет заливает подвал. — Ты живучий. Я по глазам вижу.

Он смотрит на меня из темноты. Серые глаза блестят, как начищенное оружие.

— Как тебя зовут? — спрашивает он.

Я колеблюсь секунду. Назвать имя? Не назвать?

— Юля, — говорю я. И выхожу, захлопывая дверь.

За дверью я слышу его тихий смех. И последние слова, которые долетают до меня сквозь ржавую железку:

— До вечера, Юля. Я буду ждать.

Я иду прочь, шатаясь от усталости, по мокрому асфальту. Дворы пусты. Только серое небо, низкое и злое, да воробьи на проводах.

Я не оглядываюсь.

Но я знаю, что вечером вернусь.

Потому что я — дура добрая.

Или самоубийца.

Ещё не решила.

Глава 1

Через три дня после той ночи я всё ещё чувствовала запах крови.

Он въелся в пальцы, в волосы, в швы моей куртки, которую я так и не отстирала. Я застирывала её дважды, замачивала в уксусе, проветривала на балконе — нет. Каждый раз, когда я надевала её, мне казалось, что воздух вокруг пахнет железом и сырым подвалом. Даже уксус не взял этот запах — он смешивался с ним, превращаясь в нечто кисло-сладкое, от чего тошнило.

Но я продолжала её носить. Потому что другая была дырявая, а денег на новую — нет. Стипендия — копейки, зарплата в аптеке — чуть больше, но мамины анализы и лекарства съедали всё до последней копейки. Я уже три месяца не покупала себе ничего, кроме еды. И то — гречку, макароны, иногда курицу, если была скидка.

Мама не знала. Маме нельзя было знать.

Утро среды началось с маминого звонка.

Я сидела на краю кровати, в одной футболке, с мокрыми после душа волосами, и смотрела на телефон, который дребезжал на тумбочке. Мама. Всегда мама. В семь утра. Она не знала, что я сплю по четыре часа, она думала, что я ложусь в одиннадцать, как послушная девочка. Я не поправляла её. Пусть думает.

— Привет, мам.

— Юля, ты какая-то сонная. Опять засиживаешься за учебкой?

— Ага, — соврала я. — Курсач. — Я зевнула и прикрыла рот ладонью, хотя мама не могла меня видеть. Привычка.

— Ты ешь нормально? Я волнуюсь. Ты в последнее время худая очень. Посмотри на себя в зеркало — кожа да кости.

— Ем, мам. — Я посмотрела в зеркало на тумбочке. Там действительно была худое лицо, синяки под глазами, тусклые волосы. Но маме я сказала бы что угодно, лишь бы она не волновалась. — Всё хорошо.

— Анализы я сдала, завтра результаты. Ты не переживай, всё будет хорошо. — Её голос дрогнул. Она сама не верила в «хорошо». После прошлого года, когда ей поставили онкологию, слово «хорошо» потеряло для нас обоих смысл.

— Конечно, мам. Всё будет отлично.

— Ты в аптеку сегодня?

— В ночную. Смену поменяли.

— Ох, Юля, эти ночные смены тебя убьют. Ты же девочка, тебе спать надо, а не...

— Мам, мне нужны деньги. — Я сказала это жёстче, чем хотела. И сразу смягчилась: — Всё хорошо. Я высыпаюсь. Обещаю. И вообще, ночью спокойно, никто не ходит. Можно учиться.

— Ну смотри. Я тебя люблю.

— И я тебя. Позвоню вечером.

— Позвони обязательно. А то я волнуюсь.

Я сбросила звонок и уставилась в потолок. В комнате было холодно — батареи грели через раз, а окна выходили на север. Серая панелька, серая жизнь. Я смотрела на трещину на потолке, которая тянулась от люстры к углу, и думала о нём. О мужчине из подвала.

Я не пошла к нему в тот вечер. Не смогла. Я пришла с пар, упала на кровать и проспала четырнадцать часов. А когда проснулась — побоялась. Трусиха. Я убеждала себя, что он уже ушёл, что он не дурак, что он не будет ждать какую-то студентку с валерианкой. Наверное, он пришёл в себя, вызвал своих дружков, и они его забрали. Или сам уполз. Такие, как он, выживают в любых условиях — как тараканы.

Но на следующий день я всё же спустилась в подвал.

Пусто.

Только тёмное пятно на бетоне, где он лежал, и моя разорванная футболка, пропитанная засохшей кровью. Ни записки. Ни «спасибо». Ничего. Даже пузырька валерианки не было — я забрала его с собой, сама не знаю зачем. Суеверие какое-то.

Я стояла посреди подвала, сжимая пустой пузырёк в кармане, и чувствовала странную пустоту. Не облегчение. Не радость. Пустоту. Как будто из моей жизни вынули что-то важное, даже не сказав, что это было.

Он исчез. И, наверное, это было к лучшему.

Тогда почему я не могла выкинуть из головы его серые

глаза?

Университет встретил меня запахом хлорки и старых книг.

Главный корпус — типичная советская постройка: высокие потолки, скрипучий линолеум, вечно мигающие лампы дневного света. На третьем этаже — наша кафедра биохимии. Святая святых. Здесь пахло реактивами, спиртом и молодостью, которая пытается казаться серьёзной. На стенах — портреты учёных с усами и бородами, под ними — цитаты на латыни, которых никто не понимает.

Я пришла за двадцать минут до первой пары, чтобы перекинуться парой слов с Зинаидой Петровной — нашей лаборанткой, женщиной лет шестидесяти с кислотным перманентом и привычкой говорить «ох, батюшки». Она сидела в своей каморке, перебирала пробирки, и, как всегда, заметила меня раньше, чем я открыла дверь.

— Юленька, ты бледная, — сказала она, даже не поднимая головы от журналов. — Опять не ела?

— Ела, Зинаида Петровна.

— Врёшь. Держи. — Она сунула мне в руку шоколадный батончик. — Не спорь. Съешь на перемене. А то свалишься мне посреди лаборатории — что я с тобой делать буду?

Я взяла. Спорить с ней бесполезно. Она единственная на

кафедре, кто помнит, как я плакала на первом курсе, когда не сдала органическую химию. С тех пор она считает меня своим проектом. Подкармливает, даёт списывать тесты, иногда даже подкидывает деньги «на проезд», хотя я просила не надо.

— Спасибо.

— Иди, иди. Твой научник уже пришёл, будет сегодня вас, голубков, мучить. — Она махнула рукой в сторону аудитории. — И выпишь наконец, Христа ради.

Я улыбнулась и пошла.

Научный руководитель — профессор Серебряков — старый перфекционист с дрожащими руками и ясным умом. Он меня любит, потому что я сдаю работы вовремя и не задаю глупых вопросов. Но сегодня я чувствовала, что его лекция пройдёт мимо меня.

Мы изучали метаболические пути. Гликолиз. Цикл Кребса. Всё это было моим миром — понятным, логичным, предсказуемым. Фермент А реагирует с субстратом Б, получается продукт В. Никаких сюрпризов. Никаких мужчин с ножевыми ранениями. Никаких серых глаз, которые смотрят на тебя из темноты.

Я пыталась слушать. Правда пыталась. Но перед глазами стояла картина: он сидит у мусорного бака, грязный, в крови, и усмехается. «Ты или святая, или самоубийца». Какая же я святая? Я — обычная девчонка, которая переводит гречку, потому что не может позволить себе нормальный ужин.

— Юлия, вы меня слышите? — голос Серебрякова вырвал меня из забытья.

— Да, профессор. Цикл трикарбоновых кислот, — ответила я на автомате. — Ацетил-КоА вступает в реакцию с оксалоацетатом, образуя цитрат. Далее изоцитрат, альфа-кетоглутарат, сукцинил-КоА, сукцинат, фумарат, малат и снова оксалоацетат. Восстановленные формы НАД и ФАД идут в дыхательную цепь.

Он прищурился, но ничего не сказал. Я была его любимицей, мне прощалось лёгкое дежурство. Но я видела, как он хмыкнул и записал что-то в свой блокнот. Наверное, пометку: «Юлия рассеянна, возможно, переутомление».

Рядом сидела Катя — моя одноклассница и, наверное, единственный человек, которого я могла назвать подругой. Катя была из богатой семьи, носила дорогие духи и вечно жаловалась на парней. Мы дружили по принципу противоположностей: она меня развлекала, я её — дисциплинировала. Сегодня она была в новой кофточке, цвета бордо, и явно не слушала профессора, а листала ленту в телефоне.

— Ты сегодня странная, — шепнула она, когда профессор отвернулся к доске. — У тебя парень появился?

— Нет, — ответила я слишком быстро.

— Ага, значит, появился. Колись. — Её глаза загорелись. Катя любила чужие тайны больше, чем свои.

— Кать, правда нет. Просто не выпалась.

— Юлька, ты всегда не высыпaeшьcя. Но сегодня ты не

просто уставшая. Ты... отсутствующая. Как будто думаешь о чём-то важном. Или о ком-то.

Я промолчала. Как я могла рассказать ей про Танка? «Привет, Катя, я вчера спасла бандита в подворотне, дала ему валерианку, а теперь не могу забыть его глаза». Она бы решила, что я сошла с ума. Или, что хуже, — записала бы меня в секту. Или, что ещё хуже, — рассказала бы своим родителям, а те — полиции. Нет уж.

— Может, новый реактив купила? — не унималась она. — Тот, дорогой? За которым ты в тот вечер ходила?

— Ага, — кивнула я, хватаясь за спасительную ложь. — Новый реактив. Он работает отлично.

Катя отстала. Она не понимала моей страсти к биохимии, но уважала. Для неё реактивы — это просто порошки в банках, для меня — ключ к пониманию жизни. Но сейчас даже это не работало.

Лекция закончилась. Я вышла в коридор, достала телефон — два пропущенных от мамы. Сбросила. Перезвоню позже, когда будет что сказать. Сейчас у меня не было ничего, кроме усталости и смутного чувства, что жизнь пошла по наклонной. Как будто я стою на краю обрыва и кто-то невидимый подталкивает меня в спину.

Следующая пара — практикум. Мы работали с образцами крови, определяли уровень глюкозы. Я любила практикум: там не нужно было думать о постороннем, только пробирки, пипетки, центрифуга. Руки делали привычную работу, а

голова наконец-то замолкала. Пока я капала реактивы, пока смотрела, как меняется цвет, пока записывала результаты — мир сужался до размеров пробирки. И это было спасением.

Я набирала сыворотку в пипетку, когда услышала своё имя.

— Юля? К тебе вчера вечером заходили какие-то люди, — лаборантка подала мне планшет с записями. — Спрашивали, где ты живёшь. Я не сказала, конечно.

Моё сердце пропустило удар.

— Какие люди?

— Не знаю. Мужчины. В кожаных куртках. Неприятные. — Зинаида Петровна поморщилась, как от зубной боли. — У одного на шее паук нарисован. Я таких сразу вижу — нехорошие люди. Я сказала, что ты живёшь далеко, и вообще мы не обязаны давать адреса студентов.

Я вспомнила глаза Танка. Вспомнила его слова: «Если кто спросит — мы не знакомы». И холодок пробежал по спине, от шеи до копчика.

— Спасибо, Зинаида Петровна, — сказала я как можно спокойнее. — Наверное, ошиблись. Может, другую Юлю искали.

— Может, и другую, — она не выглядела убеждённой. — Ты только будь осторожна, дочка. Не ходи одна поздно.

— Хорошо.

Но я не была спокойна. Всю оставшуюся пару я перебирала варианты: кто это мог быть? Его друзья? Его враги?

Они искали меня или его? И как они узнали про университет? Неужели следили? Или это просто совпадение? В городе много Юль, много студенток-биохимиков.

К концу практикума я решила, что схожу с ума. Ну был какой-то бандит, ну спасла — что теперь? Он ушёл, и слава богу. Наверное, те люди приходили по другому поводу. Может, искали кого-то из соседних домов. А я накручиваю. У меня и без того забот полон рот: мама, сессия, деньги.

Я так хотела в это верить.

Вечером я шла на работу.

Аптека называлась «Здоровье плюс» — типичная сетевая, с пластиковыми витринами, вечно заедающей дверью и запахом лекарств, который въелся в стены так глубоко, что, наверное, стал частью здания. Я работала здесь почти год. Сначала на дневных сменах, потом, когда мама заболела, перешла на ночные — платили больше на тридцать процентов. Тридцать процентов — это была разница между «хватит на гречку и мамины таблетки» и «придётся занимать у Кати».

Дорога от университета до аптеки занимала сорок минут: сначала автобус, потом пешком через три двора. Я шла быстро, опустив голову, стараясь не смотреть по сторонам. После того, что случилось, каждый прохожий казался подозрительным. Каждый мужчина в тёмной куртке заставлял серд-

це биться чаще.

Но сегодня обошлось. Никто не шёл за мной. Никто не окликнул.

Заведующая, Алла Борисовна, тётя лет пятидесяти с вечно недовольным лицом, встретила меня у порога:

— Юлия, ты опять опаздываешь на пять минут.

— Извините, автобус. Пробки.

— Автобусы — не оправдание. — Она сунула мне ключи от кассы. — Сегодня ночью одна. Фармацевт Звягина заболела. Справишься?

— Справлюсь.

— Точно? Не уснёшь? В прошлый раз ты чуть не прозевала покупателя.

— Не усну. Обещаю.

Она с сомнением покачала головой, но ушла. Я прошла за прилавок, переоделась в белый халат, который висел на крючке. Он был мне великоват — достался от предыдущей сотрудницы, но стирать его стирали раз в месяц, и он пах так себе. Смесью валокордина, пыли и, кажется, кошачьей мочи. Я привыкла.

Алла Борисовна ушла через полчаса, оставив меня одну на двенадцать часов.

Ночная аптека — это особый мир. Днём сюда приходят бабушки за давлением и мамочки с детьми. А ночью... ночью приходят другие. Те, кому стыдно днём. Те, кто не может спать. Те, кому срочно нужно что-то, чтобы забыться.

В час ночи заглянул мужик с похмелья, купил аспирин и минералку. Красные глаза, трясущиеся руки, запах перегара, который ударил в нос, как только он открыл рот. Я продала ему ещё и активированный уголь — на автомате. Он поблагодарил, икнул и ушёл.

В два — девушка с заплаканными глазами, попросила что-нибудь от бессонницы. Лет двадцать, дорогая куртка, но под глазами — синяки, как у меня после бессонной недели. Я продала ей настойку пустырника, хотя хотела сказать: «Девочка, беги от него, он не стоит твоих слёз». Но промолчала. Не моё дело. Кто я такая, чтобы давать советы?

В три часа была тишина.

Я сидела на высоком табурете, листала конспекты и пила чай из кружки с треснувшей ручкой. Чай давно остыл, стал тёмным и горьким, но я всё равно пила — просто чтобы занять руки. На подоконнике стоял пузырёк валерианки — моя личная аптечка. Я глянула на него и усмехнулась.

Валерианка для танка.

Если бы кто-то сказал мне неделю назад, что я буду впихивать таблетки в рот незнакомому мужчине в подворотне, я бы рассмеялась. Но сейчас эта история казалась мне началом чего-то. Чего? Я не знала. Может быть, начала конца моей спокойной жизни.

Телефон пиликнул — сообщение от мамы: «Ты на работе? Не замерзла?»

«Всё хорошо, мам. Спи», — ответила я.

Мама не спала. Мама всегда не спала, когда я в ночную. Она боялась, что на меня нападут. Ирония судьбы: на меня уже напали, только мама об этом не знает.

Я заварила второй чай, хотела уже вернуться к конспектам, когда услышала шум.

Сначала я подумала, что это ветер. За окном октябрь, листва шуршит, ставни хлопают, где-то гремит пустой бак. Но звук был другой. Тяжёлый. Ритмичный. Как шаги.

Много шагов.

Я замерла с кружкой в руке.

Дверь аптеки была стеклянной, с пластиковой ручкой. Я видела улицу — фонарь, пустую парковку, мусорные баки у стены. Никого. Только тени от деревьев качались на асфальте.

Но шаги приближались.

Бум. Бум. Бум.

Я отставила чай, сунула конспекты под прилавок, нащупала под стойкой кнопку вызова полиции. Аптеки в нашем районе были под охраной. Достаточно нажать — и через пять минут приедет наряд. Я уже положила на неё палец.

Я не нажала. Потому что в ту же секунду дверь распахнулась.

Они вошли не тихо. Они ворвались.

Двое. Здоровенные, как шкафы. В кожаных куртках, лысые, с битами в руках. Лица — грубые, с мясистыми носами и маленькими злыми глазами. У одного на шее татуировка

— паук, чёрный, с длинными лапами, будто ползёт по горлу. У второго — звезда, выколота на левой щеке. Такие не задают вопросов, если не хотят получить ответ.

Я не знаю, как я не закричала. Наверное, шок. Или тот самый инстинкт самосохранения, который иногда подкидывает адреналин и заставляет рот работать на автомате.

— Где он? — спросил первый, тот, с пауком. Голос низкий, пропитанный сигаретами и злостью.

Я молчала. Язык прилип к нёбу. Моё сердце колотилось где-то в горле, и я боялась, что они услышат этот стук.

— Я тебя спрашиваю, сучка, — он подошёл к прилавку, опёрся на него битой. Железо глухо стукнуло по пластику. — Где мужик? Раненый. Чёрная куртка. Светлые глаза.

Светлые глаза.

Серые.

Танк.

Они искали его. И каким-то чёртом они пришли сюда. В аптеку, где работала я. В аптеку, которая находилась в двух шагах от того места, где я нашла его в первую ночь. Совпадение? Или они шли по следу?

— Не знаю, — выдавила я. Голос сел, прозвучал как писк мыши.

— Врёшь, — второй обошёл прилавок и встал рядом со мной. Я почувствовала запах перегара и дешёвого табака, смешанный с потом. — Ты его впустила. Мы видели. Неделю назад. Ты тащила его в подвал.

Они видели? Откуда? Неужели следили? У меня похолодело внутри. Я вспомнила ту ночь: темнота, дождь, я тащу его через дворы. Неужели кто-то смотрел?

— Я никого не впускала, — сказала я твёрже, чем чувствовала. Внутри всё дрожало, но я вспомнила его глаза. Танка. Его слова: «Молчи — будешь жить». И добавила: — У нас аптека. Сюда приходят за лекарствами. Никаких раненых мужиков не было. Я вообще никого не знаю.

Паук наклонился, заглянул мне в лицо. Он был так близко, что я видела поры на его коже и капельку пота на лысине. От него пахло луком и чем-то кислым.

— Ты боишься, — сказал он. — Я вижу. Ты врёшь.

— Я всегда боюсь, когда в аптеку врываются с битами, — ответила я. Слова лились сами, помимо моей воли. Как будто кто-то другой говорил за меня. — У меня мама болеет, я учусь на бюджете, у меня нет времени впускать раненых мужиков. Пожалуйста, уходите. Я вызову полицию.

— Уже вызвала? — спросил второй.

— Нет. Но вызову.

Они переглянулись. Паук кивнул, и они отступили на шаг. Я перевела дыхание, но не расслабилась.

Но перед уходом тот, что со звездой, наклонился к моему уху и прошептал, обдавая вонючим дыханием:

— Если узнаем, что ты его прячешь, — мы тебя достанем. Из-под земли достанем. Поняла, аптекарша?

Я кивнула. Только кивнула. Говорить я не могла.

Они вышли. Дверь хлопнула. Бита глухо стукнула о косяк.

Я стояла за прилавком, сжимая край столешницы так, что побелели костяшки. Сердце колотилось где-то в горле, дыхание сбилось. Я ждала, что они вернуться. Или что я потеряю сознание. Или что случится что-то ещё.

Ничего не случилось. Тишина. Только ветер за окном и гул холодильника.

Я перевела дух. Вытерла пот со лба тыльной стороной ладони. Подошла к двери, проверила замок — заперто. Стекла целы. Ручка не сломана. Как будто ничего и не было.

Я вернулась за прилавок, налила дрожащей рукой чай. Он остыл окончательно, стал комнатной температуры. Я всё равно выпила, обжигая горло холодной жидкостью.

В голове была каша. Они искали его. Знали, что он был здесь? Видели меня с ним? Или это совпадение? Аптека рядом с тем местом, где я его нашла. Может, он сюда хотел прийти за бинтами? Может, они шли по его следу? А может, он сам их привёл?

Нет. Не похоже. Когда он лежал в подвале, он был без сознания. Он не мог никого привести.

И тут я услышала звук с заднего двора.

Не шаги. Возня. Металлический лязг — как будто опрокинули мусорный бак. И тихий, сдавленный стон.

Я замерла.

Не надо туда идти. Не надо. Вызови полицию. Запрись. Жди утра. Пусть эти двое с битами делают что хотят. Пусть

он хоть там истекает кровью. Не твоё дело.

Но я пошла.

Потому что я дура. Потому что если он там, если он ранен, если ему снова нужна помощь — я не могу бросить. Даже после того, как его дружки (или враги, хрен разберёшь) только что угрожали мне битой. Даже после того, как я должна бояться.

Я отперла чёрный ход. Толкнула дверь.

Задний двор аптеки — это бетонная площадка, три мусорных бака, старая паллета, лужа, которая никогда не высыхает, и вечная сырость. Фонарь не горел (перегорел ещё месяц назад, Алла Борисовна обещала вызвать мастера), только свет из окна аптеки падал на асфальт жёлтым прямоугольником, выхватывая кусок грязного бетона.

— Эй? — позвала я шёпотом. — Есть кто?

Тишина.

Я сделала шаг, второй. Обогнула первый бак — пусто. Второй — пусто. Третий...

Он сидел за третьим баком, привалившись к стене.

Танк.

Я узнала его сразу. Та же чёрная куртка, только теперь грязнее, в каких-то пятнах, похожих на мазут. Та же сломанная бровь. Те же острые скулы. Те же серые глаза, которые смотрели на меня из темноты. Он был бледнее, чем в прошлый раз. Губы потрескались, под глазом свежий синяк — лиловый, с жёлтым оттенком по краям. На лбу — свежая

ссадина.

Но он был жив.

— Привет, — сказал он хрипло. — Я говорил, что мы ещё увидимся. — И усмехнулся. Той же кривой усмешкой, от которой у меня внутри всё переворачивалось.

Я стояла и смотрела на него. В голове билась только одна мысль: «Ты идиотка, Юля. Ты клиническая идиотка. Тебе бы бежать, а ты стоишь».

— Зачем ты пришёл? — спросила я. Голос дрожал, и я ненавидела себя за эту дрожь.

Он усмехнулся шире, хотя, кажется, ему было больно.

— Аптека. Бинты. Антибиотики. Я думал, ты меня выручишь. — Он поморщился и переменил позу. — Те, кто меня ищет, не смотрят в аптеках. Обычно.

— Ты привёл за собой этих... с битами?

— Нет. — Он покачал головой и снова поморщился — видимо, движение отозвалось в ране. — Они сами нашли. Я оторвался, спрятался здесь. Не знал, что они зайдут. Думал, только аптека, только ты. А они... — Он замолчал, сжал челюсти. — Они меня выследили. Я должен был быть аккуратнее.

— Они угрожали мне.

— Знаю. Я слышал. — Он опустил глаза. — Прости. Я не хотел тебя впутывать.

— И тем не менее.

— И тем не менее. — Он поднял на меня взгляд. — Ты

не выдала меня. Снова. Спасибо.

— Не за что, — буркнула я. — И вообще, я не ради тебя. Просто... не люблю, когда мне угрожают.

— Конечно, — он не поверил. Я видела это по его глазам. Мы молчали несколько секунд. Ветер шевелил мусор, где-то далеко лаяла собака, в аптеке гудел холодильник. Я слышала его дыхание — прерывистое, тяжёлое.

— Ты можешь идти? — спросила я наконец.

— Могу. Но недалеко. — Он попытался привстать, опираясь на стену, и замер, закусив губу. — Нога затекла. И бок болит.

Я вздохнула. Оглянулась на дверь аптеки, на свет, на безопасный прилавок. Потом снова на него.

— Жди здесь, — сказала я. — Я возьму бинты и антибиотики. И... и что там ещё нужно.

— Обезболивающее, — добавил он. — Кеторол. И антисептик.

— Я знаю, что такое антисептик, — огрызнулась я. — Я биохимик. Я знаю, чем хлоргексидин отличается от перекиси.

Он слабо улыбнулся.

— Умная, значит.

— Умная. И злая. Поэтому сиди тихо. Если услышишь шум — ползи в другую сторону.

— Не учи учёного, — ответил он. И закрыл глаза.

Я вернулась в аптеку. Дрожащими руками собрала всё,

что он просил: бинты (широкие и узкие), пластырь (рулонный и бактерицидный), хлоргексидин, кеторол в ампулах. Добавила марганцовку, вату, перекись водорода, даже тубик левомеколя — на случай, если рана начнёт гноиться. Схватила пузырёк валерианки — себе. И вышла.

Он сидел там же, не сдвинулся с места. Только открыл глаза, когда я подошла.

— Куда тебя отвести? — спросила я, протягивая пакет.

— Не знаю. Ко мне нельзя.

— А ко мне — тем более. У меня мама может позвонить в любой момент, и если она услышит мужской голос... — я не договорила. Мама бы умерла от страха. Или от сердечного приступа. Или сразу от всего.

— Понял, — он кивнул. — Тогда просто перевяжи меня здесь. И я уйду.

— Здесь? — я оглядела грязный двор. Мусор, крысы, бетонная крошка. — У мусорных баков?

— А ты предлагаешь люкс? — он снова усмехнулся. — У тебя есть стерильная операционная за углом?

Я вздохнула. Снова. Кажется, я только и делала, что вздыхала в его присутствии.

— Ладно. Но быстро. И если кто-то придёт — я тебя здесь брошу.

— Договорились. — Он протянул руку за пакетом. — Дай сюда. Сам справлюсь.

— Нет, — сказала я жёстко. — Ты себе перевяжешь как

в прошлый раз — грязной тряпкой. Давай сюда куртку.

Он удивился, но подчинился.

Я опустилась на корточки рядом с ним. Он стянул куртку, потом футболку. Под ней оказалась повязка из того, что было под рукой — какой-то тряпки, замотанной скотчем. Я узнала край своей разорванной футболки. Коричневое от крови, ссохшееся.

— Ты сохранил, — сказала я удивлённо.

— Не из сантиментов. Просто нечем было заменить. — Он отвернулся, чтобы я не видела его лица. Но я заметила, как дрогнули его пальцы.

Я отмотала грязную повязку. Рана — ножевая, в боку, на уровне рёбер — воспалилась, края покраснели и припухли, но гноя не было. Чудо. Он был крепким, этот Танк. Или просто везучим.

— Будет больно, — предупредила я.

— Делай.

Я обработала рану хлоргексидином. Он не издал ни звука, только сжал челюсти так, что желваки заходили под кожей. Я наложила новую повязку, замотала бинтом. Всё чисто, стерильно. Как учили на курсах первой помощи, которые я прослушала на втором курсе из любопытства. Кто знал, что пригодится?

— Ты хороший врач, — сказал он, когда я закончила.

— Я не врач. Я биохимик.

— Какая разница.

— Большая, — я убрала остатки бинтов в пакет. — Врачи спасают жизни. Я изучаю молекулы. А ты... ты просто очередной эксперимент.

— Жестоко, — он хмыкнул.

— Честно.

— Ты спасла мою жизнь. Дважды. — Он посмотрел на меня серьёзно, без тени усмешки. — Значит, ты врач. И не спорь.

Я не нашлась, что ответить.

— Тебе нужно в больницу, — сказала я вместо этого. — Рана может загноиться. У тебя жар? — я коснулась его лба тыльной стороной ладони. Горячий. Слишком горячий.

— В больницу нельзя. — Он отвёл мою руку. — Там спросят, откуда рана. А у меня нелегальная. И документов нет.

— Я могу сказать, что ты...

— Юля. — Он назвал меня по имени впервые. Это прозвучало странно — мягко, почти нежно, хотя голос был хриплым и усталым. — В больницу нельзя. Пожалуйста.

Я замолчала. В его глазах была не просьба — мольба. Или мне показалось? В темноте трудно разобрать.

— Ладно, — сдалась я. — Но тогда иди в безопасное место. Не сиди у мусорных баков. Тут крысы.

— У меня есть место. — Он попытался встать. Я помогла ему, подставив плечо. Он был тяжёлым, но не таким, как в прошлый раз — теперь он мог стоять сам, только чуть покачивался. — Ты... ты придёшь завтра? Мне нужно ещё пере-

вязать.

— Зачем тебе я? Есть же нормальные врачи.

— Я тебе доверяю. — Сказал просто. Без пафоса. Богда без намёка. — Ты не продашь. Не сдашь. Ты... другая.

— Ты меня совсем не знаешь.

— Я знаю, что ты сунула мне в рот валерианку, хотя могла убежать. Я знаю, что ты не выдала меня тем двоим. Я знаю, что у тебя мама болеет и ты работаешь в ночную смену, потому что больше никому. Этого достаточно.

Я нахмурилась.

— Откуда ты знаешь про маму?

— Ты сама сказала. Там, в аптеке. Этим двоим. — Он кивнул в сторону аптеки. — Ты сказала «у меня мама болеет». Я слышал.

Я вспомнила. Да, я сказала. Я и не заметила.

— Ты слушал?

— Я прятался за стеной. Слышал всё. — Он посмотрел на меня. — Ты рисковала. За меня.

— Я рисковала за себя, — поправила я. — Если бы я их выдала, они бы меня убили. Или избили. Так что не геройствуй.

— Ладно, — он не спорил. Но по его глазам я видела, что он мне не верит.

Я представила: он сидит за углом, прижимает руку к ране, а я стою за прилавком и вру двоим бандитам. Рискую своей жизнью. Ради кого? Ради незнакомца, который теперь зна-

ет обо мне больше, чем моя собственная подруга. Который знает, где я работаю, где учусь, что у меня больная мама.

— Я не хочу в это впутываться, — сказала я тихо. — Я студентка. У меня сессия. Мама болеет. Мне не нужны проблемы с криминалом.

— Поздно, — ответил он. — Ты уже впуталась. В ту секунду, когда положила мне валерианку в рот. Обратной дороги нет.

Я закрыла глаза. Он был прав. И я это знала.

— Как тебя зовут? — спросила я, открывая глаза. — Настоящее имя.

Он помолчал. Долго. Так долго, что я подумала — не ответит.

— Андрей, — сказал наконец. — Но для всех я Танк.

— Андрей, — повторила я, пробуя имя на вкус. Обычное имя. Почти родное. — Танк. Глупая кличка.

— Согласен, — он усмехнулся. — Но я её не выбирал. И не я её придумал.

Он стоял, опираясь на стену, и смотрел на меня. В темноте его глаза казались почти чёрными, но я помнила, что на свету они — стальные. Опасные. Красивые.

— Мне пора, — сказал он. — Спасибо, Юля.

— погоди. — Я достала из кармана пузырёк валерианки и протянула ему. — Держи. Пригодится.

Он взял, покрутил в пальцах. Посмотрел на свет, как будто там было что-то важное.

— Ты смешная, — сказал он. — Даёшь валерианку бандиту.

— Ты не бандит, — ответила я. И сама удивилась своим словам. Откуда я знаю? — Ты... не знаю кто. Но не бандит. Бандиты не благодарят за бинты.

Он ничего не сказал. Сунул пузырёк в карман куртки, кивнул на прощание и пошёл, прихрамывая, в темноту двора.

Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся за углом дома. Его тень вытягивалась, сливалась с тенями деревьев, и через секунду его уже не было. Только звук шагов — шаркающих, неровных — удалялся.

Ветер подул сильнее, зашелестел листвой. Где-то хлопнула дверь подъезда.

Я вернулась в аптеку. Заперла дверь на все замки. Стояла посреди торгового зала и смотрела на пустой прилавок, на кружку с остывшим чаем, на пузырёк валерианки, который стоял на подоконнике — второй пузырёк, потому что первый я отдала ему.

И подумала: «Что я творю?»

Но ответа не было.

Только тишина и запах лекарств.

И где-то глубоко внутри — странное, запретное чувство, похожее на предвкушение.

Как будто жизнь наконец-то началась.

А может быть, только сейчас началась.

Глава 2

Я не спала всю ночь.

После того как Танк — Андрей — скрылся в темноте, я вернулась за прилавок и просидела до утра, глядя в одну точку. Ни один покупатель не зашёл. В четыре утра я налила себе третий чай, но пить не стала — кружка остыла, покрылась плёнкой. В пятом часу я позвонила маме. Мама не взяла трубку — спала, наконец-то. Я выдохнула. Хоть кто-то в этой семье спит спокойно.

В шесть утра пришла сменщица — тётя Таня, грузная женщина с вечно мокрыми от пота руками. Она глянула на меня, покачала головой:

— Юль, ты зелёная. Иди домой, отсыпайся.

— Иду, — сказала я и чуть не добавила: «Я тут бандита спасала, тёть Тань». Не добавила. Умная.

Я вышла из аптеки в серое утро. Октябрьский ветер дул в лицо, небо висело низко, как мокрое одеяло. Я шла через дворы, обходя мусорные баки — там, где он сидел, — и смотрела на пятно на асфальте. Капли крови. Маленькие, тёмные. Я наступила в них, не специально, и долго смотрела на подошву кроссовка.

Ты в это ввязалась, Юля. Ввязалась по уши.

Дома я рухнула на кровать, не раздеваясь. Спала четыре часа — вскочила от будильника в одиннадцать. Университет.

Практикум по ферментативному анализу. Я не могла пропустить — Серебряков убьёт.

Я приняла душ, встала под горячую воду и смотрела, как по кафелю стекает вода, смешиваясь с пеной. В голове крутилась одна фраза: «Я тебе доверяю».

С каких это пор бандиты доверяют аптекаршам? С каких это пор аптекарши доверяют бандитам?

Но я ему поверила. Почему-то поверила. Может, потому что он назвал своё имя. Настоящее. Андрей. Может, потому что в его глазах не было лжи — только усталость и какая-то странная, почти детская беззащитность, которую он прятал за броней.

Или я просто дура. Валерианковая дура.

Университет встретил меня привычным шумом. Катя сразу прилипла:

— Ну что? Рассказывай. Ты вчера была в аптеке? Случилось что?

— Всё нормально, — соврала я. — Тихая ночь.

— А выглядишь как зомби.

— Не выпалась.

— Ты всегда не высыпaeшьcя. Но сегодня особенно. — Катя наклонила голову, как воробей. — Юль, ты точно ничего не скрываешь?

Я отмахнулась. Катя — хорошая подруга, но она из другого мира. Её папа — владелец сети магазинов, мама — домохозяйка с кредиткой без лимита. Катя не поймёт, как это — выбирать между ужином и антибиотиками для мамы. И уж тем более она не поймёт про Танка.

На практикуме я работала на автомате. Руки помнили, что делать: калибровка, дозирование, центрифугирование. Я смотрела в микроскоп на клетки, но видела его лицо. Его шрамы. Его глаза.

— Юлия, вы где витаете? — Серебряков стоял рядом,правлял очки. — У вас результат пляшет, как заяц.

— Извините, профессор. Переделаю.

Я переделала. Получилось идеально. Потому что, когда я злая или расстроенная, я делаю всё идеально. Это мой защитный механизм.

После пар я пошла домой. Думала поспать ещё пару часов, но не смогла. Лежала на кровати, смотрела в потолок и перебирала в уме все «за» и «против» того, чтобы снова пойти в аптеку ночью.

«За»: нужны деньги. Сменщица заболела, Алла Борисовна просила подменить. «Против»: бандиты с битами могут вернуться. Или он может вернуться. И то и другое одинаково страшно и одинаково притягательно.

Я пошла. Потому что деньги не пахнут. И потому что где-то в глубине души я хотела его увидеть. Снова. Хотя боялась себе в этом признаться.

Аптека в десять вечера. Я сижу за прилавком, разбираю поставку. Коробки с лекарствами, накладные, счёт-фактуры. Механическая работа, которая отключает мозг. Я расставляла блистеры на полки, проверяла сроки годности, протирала пыль.

В одиннадцать зашла девушка за тестом на беременность. Я продала, не глядя в глаза. В двенадцать — мужчина с большим зубом, купил кеторол. В час ночи — тишина.

Я сидела и ждала. Сама не знала чего.

Мне казалось, я слышу его шаги в каждом шорохе. В каждом скрипе двери. В каждом вздохе ветра. Я злилась на себя за эту дурацкую надежду — он бандит, он опасен, он приносит одни проблемы. А я сижу и жду, как собачонка, которая скулит у двери.

Юля, соберись. Ты — биохимик, у тебя сессия, у тебя мама. А не героиня дешёвого романа.

Но сердце не слушалось.

В два часа я услышала шаги.

Не тяжёлые, как у тех двоих. Тихие. Осторожные. Я замерла, рука потянулась к кнопке вызова полиции. Но не нажала.

Дверь открылась.

Он вошёл.

Танк. Андрей. В той же чёрной куртке, только теперь чище. Без крови. Он выглядел лучше, чем вчера: не такой бледный, держался ровнее. Но под глазом синяк расцвёл фиолетово-жёлтым, и двигался он всё ещё медленно, с осторожностью.

Я смотрела на него из-за прилавка. Сердце колотилось где-то в горле, но я старалась не показывать страха.

— Аптека закрыта, — сказала я. Голос прозвучал ровно, даже холодно. — Приходите завтра.

Он усмехнулся.

— Не гони, аптекарша. Видишь, я один. Без бит.

— Это ничего не значит.

— Значит. — Он подошёл к прилавку. Остановился в метре. — Мне нужны бинты и антибиотик. Я заплачу.

— У нас есть касса. Покупай как все.

— Юля. — Он произнёс моё имя, и оно повисло в воздухе, как дым. — Не будь душой. Ты знаешь, зачем я пришёл.

— Нет, не знаю.

— Пришёл перевязаться. Рана болит. — Он чуть приподнял край куртки, и я увидела край бинта — моего вчерашнего бинта, пропитанного сукровицей. — Своими силами не справляюсь. Не дотянусь.

Я молчала. Мой внутренний голос орал: «Выгони его! Вызови полицию! Беги!» Но я не двигалась.

— Пожалуйста, — добавил он тихо. И в этом «пожалуйста» было слабости. Была усталость. Такая глубокая, что

мне стало почти жаль его.

Я вздохнула. Тот самый вздох, который становился моим лейтмотивом.

— Заходи в подсобку, — сказала я, поворачивая ключ в двери, ведущей за прилавок. — Быстро. И если кто-то войдёт — ты просто покупатель, у тебя давление упало, ты лежишь на полу. Понял?

— Понял, — кивнул он и прошёл за мной.

Подсобка аптеки — это тесная комнатка без окон, с голыми бетонными стенами, столом, двумя стульями, раковиной и шкафом с медикаментами. Пахло здесь картонкой, пылью и дешёвым мылом. Я включила тусклую лампу над столом.

— Садись, — показала на стул.

Он сел. Снял куртку, потом футболку. Я старалась не смотреть на его торс — но, конечно, посмотрела.

Он был жилистый, сухой, без грамма жира. Кожа бледная, покрыта шрамами. Старые, белые полосы — ножевые? — и свежие, розовые. На плече — что-то похожее на след от пули. На рёбрах — синяки, жёлто-зелёные, ещё не сошедшие.

Я задержала взгляд на одном шраме — длинном, изогнутом, на левом предплечье. Похоже на след от ожога. Или от верёвки?

— Рассматриваешь? — спросил он спокойно. Без смущения. Как будто привык.

— Не каждый день вижу такое... коллекцию.

— Ты хочешь спросить, откуда они?

— Не хочу. Но если ты сам расскажешь — не буду останавливать.

Он усмехнулся.

— Некоторые — от ножа. Один — от пули. Этот, — он показал на предплечье, — от осколка. Был взрыв.

— Ты военный?

— Был. Давно.

Я хотела спросить больше, но передумала. Не время. Не место.

Я перевела взгляд на рану. В боку, справа. Края воспалённые, но не гноятся. Хорошо.

— Ты везучий, — сказала я, надевая перчатки. — Если бы на сантиметр глубже — задел бы печень.

— Знаю, — ответил он. — Повезло.

Я принялась за дело. Сняла старый бинт — он присох к ране, пришлось отмачивать перекисью. Он не издал ни звука, только пальцы сжались в кулаки. Я работала быстро, аккуратно, как учили. Обработала хлоргексидином, наложила мазь с антибиотиком, замотала новым бинтом.

Он наблюдал за моими руками. Пристально. Как будто изучал.

— У тебя руки, — сказал он вдруг.

— Что с ними?

— Стерильные. Аккуратные. Как у хирурга.

— Я биохимик. Мы тоже работаем с точными дозировками.

— Нет, — он покачал головой. — Хирурги так не делают. Они грубее. А ты... ты нежная.

Я фыркнула.

— Не путай нежность с профессионализмом.

— А я и не путаю. — Он улыбнулся. Впервые за всё время — не усмешка, а настоящая улыбка. Короткая, быстрая, но я её заметила. И сердце снова пропустило удар.

— Не отвлекай меня, — буркнула я, закрепляя бинт пластырем. — Готово.

— Спасибо.

— Не за что. Теперь уходи.

Он не вставал.

— Юля, — сказал он, глядя на меня снизу вверх. — Сядь. Поговорим.

— Нам не о чем говорить.

— Есть о чем. Например, о том, почему ты меня спасаешь, хотя боишься.

— Я не боюсь.

— Врёшь. У тебя руки дрожали, когда ты бинтовала. — Он взял мою ладонь — я и не заметила, как. Его пальцы были горячими, сухими, с мозолями на подушечках. — Вот. До сих пор дрожат.

Я выдернула руку.

— Это от холода.

— В подсобке тепло.

— От страха, — призналась я. — Хорошо? Я боюсь. Ты

связан с криминалом, у тебя ножевое ранение, тебя ищут какие-то люди с битами. Нормальный человек боялся бы.

— Но ты не уходишь.

— Потому что я дура.

— Ты не дура. — Он сказал это серьёзно. — Ты смелая.

— Нет, — я покачала головой. — Смелые люди прыгают с парашютом. А я просто... не могу пройти мимо чужой боли. Это болезнь. Мама говорит, доброта — это болезнь.

— Твоя мама мудрая женщина.

— Моя мама — уборщица в школе. Она ничего не знает о криминале и бандитах. И я хочу, чтобы так и оставалось.

— Тогда зачем ты меня лечишь?

— Потому что ты сейчас здесь, истекаешь кровью, а я умею накладывать бинты. — Я почувствовала, что начинаю злиться. — Слушай, Танк. Я не знаю, кто ты, откуда и почему тебя хотят убить. И не хочу знать. Я тебя перевяжу, дам лекарства, и ты уйдёшь. И мы забудем друг друга. Хорошо?

Он помолчал. Потом усмехнулся — той самой кривой усмешкой.

— Ты и правда думаешь, что сможешь забыть?

— Постараюсь.

— А я не смогу, — сказал он тихо. — Я не забываю тех, кто спасает мне жизнь.

— Тогда запомни моё лицо и больше не приходи.

— Не могу. Мне нужна твоя помощь.

— Найди другую.

— Не могу, — повторил он. — Тебе доверяю.

Я закрыла глаза. Сделала глубокий вдох.

— Ладно. Давай по-честному. Ты меня заставляешь?

— Нет, — он покачал головой. — Я тебя прошу. И... обещаю, что с тобой ничего не случится. Я тебя прикрою.

— Чем прикроешь? — я открыла глаза и посмотрела на него. — У тебя нож в кармане? Пистолет?

— Есть и то и другое. Но это не важно. Важно, что пока я жив — никто тебя не тронет.

— А если ты умрёшь?

Он усмехнулся.

— Я не умру. Я живучий.

— Это я уже поняла.

Повисла тишина. Я смотрела на его шрамы — на плече, на предплечье, на рёбрах. Следы насилия, которые стали частью его тела, как возрастные пятна или родинки.

— Много тебе досталось, — сказала я негромко.

— Бывало, — ответил он.

— Не хочешь рассказывать?

— А ты хочешь слушать?

Я задумалась. Наверное, нет. Но почему-то хотелось.

— Как тебя ранили? — спросила я.

— Ножом. Двое. Вчера.

— Я про то, как ты вообще оказался в моём дворе.

Он помолчал. Потом сказал:

— Я был на встрече. Не моей — я просто пришёл погово-

ритель. Кое-кто решил, что меня лучше убрать. Засада. Я отбил, но меня порезали. Побежал через дворы. Увидел тебя — подумал, что ты испугаешься и убежишь. Но ты не убежала.

— Ты на меня упал, — напомнила я. — Я просто не успела убежать.

— Врёшь. Ты успела. Ты стояла и смотрела на меня как... как на человека.

— А на кого ещё смотреть?

— На монстра, — сказал он просто. — Многие так смотрят.

Я посмотрела на него внимательно. Серые глаза, острые скулы, сломанная бровь. Шрамы. Татуировка на шее — я наконец разглядела: буква «Т». Танк.

— Ты не похож на монстра, — сказала я. — Ты похож на человека, который много видел. И много пережил.

— Это одно и то же.

— Нет. Монстры — те, кто делает больно другим ради удовольствия. Ты... ты просто защищаешься. Я права?

Он не ответил. Только смотрел на меня, и в его взгляде было что-то новое. Не угроза, не насмешка. Удивление.

— Ты странная, Юля, — сказал он наконец. — Ты видишь то, чего нет.

— Я вижу то, что есть. Просто смотрю внимательно.

Он отвёл взгляд. Посмотрел на свои руки — большие, с обломанными ногтями, с въевшейся грязью.

— Валерианку принесла? — спросил он, меняя тему.

— А что?

— Давай. Успокоюсь.

Я достала пузырёк из кармана халата (всегда ношу с собой) и протянула ему. Он взял, высыпал на ладонь одну таблетку, положил под язык.

— Ты смешной, — сказала я. — Бандит, который пьёт валерианку.

— А что, бандиты не нервничают?

— Я думала, у вас нервы железные.

— У всех нервы железные, пока не прижмёт. — Он закрыл глаза, откинулся на спинку стула. — Ты знаешь, какая самая большая проблема в моём деле?

— Какая?

— Постоянный страх. Не тот, когда боишься за себя. А тот, когда боишься за тех, кто рядом. Или за тех, кто может пострадать из-за тебя.

— У тебя есть кто-то рядом? — спросила я осторожно.

— Был. — Он открыл глаза. — Теперь нет. Поэтому я один.

Я хотела спросить, что случилось, но не стала. Не моё дело.

— А у тебя? — спросил он вдруг. — Есть кто-то?

— Мама, — сказала я. — И больше никого.

— Парня нет?

— Некогда.

— Красивая девушка — и без парня? — он усмехнулся.
— Не верю.

— Правда. У меня учёба, работа, мамина болезнь. На парней нет времени. Да и... — я запнулась.

— Что?

— Я не умею доверять. Люди кажутся хорошими, а потом оказывается, что им что-то нужно.

— Как и мне, — сказал он. — Я пришёл к тебе за помощью.

— Ты хотя бы не врешь. Ты говоришь прямо: «Мне нужны бинты». Это честно. А многие приходят с улыбками и цветами, а на деле — хотят залезть в душу или в кошелёк.

— Значит, я тебе нравлюсь тем, что не дарю цветы? — в его голосе снова проскользнула насмешка.

— Ты мне не нравишься, — отрезала я. — Ты — проблема, которую я пытаюсь решить.

— А я думал, я — пациент.

— Ты — и то и другое.

Он рассмеялся. Тихим, хриплым смехом, который перешёл в кашель.

— Не смейся, — сказала я. — Рана откроется.

— Ты заботишься.

— Я слежу за качеством оказанной помощи.

— Ага, — он кивнул. — Конечно.

Мы замолчали. В аптеке было тихо — только холодильник гудел за стеной да где-то на улице проехала машина.

— Ты правда не вызовешь полицию? — спросил он.

— А ты правда меня не убьёшь?

— Не убью, — он покачал головой. — Ты мне нужна живая.

— Звучит угрожающе.

— Не угроза. Констатация факта. Если с тобой что-то случится, мне будет не к кому прийти.

— Так найди себе другого врача.

— Не могу, — повторил он. И добавил тихо: — Я никому не доверяю. Кроме тебя.

— Почему?

— Потому что ты сунула мне в рот валерианку. — Он улыбнулся. — Это диагноз. Ты не умеешь быть жестокой. Даже когда надо.

— Может, я просто трусиха.

— Нет. Трусиха вызвала бы полицию и спряталась. А ты притащила меня в подвал и отдала свою футболку.

— Ты её порвал, между прочим.

— Куплю новую.

— Не надо. Я сама куплю. У меня есть деньги.

— Врёшь, — сказал он. — Ты вчера сказала тем двоим, что мама болеет и ты учишься на бюджете. Денег у тебя нет.

— Это не твоё дело.

— Я хочу помочь.

— Не надо. — Я встала. — Всё, разговор окончен. Ты перевязан, получил антибиотики. Уходи.

Он тоже встал. Оказался выше меня на голову. Я смотрела снизу вверх на его острый подбородок, на шрам над губой, который я раньше не замечала.

— Ты упрямая, — сказал он.

— А ты навязчивый.

— Мы похожи.

— Ни капли.

Он надел футболку, потом куртку. Застегнул молнию. Достал из кармана деньги — несколько купюр по тысяче — и положил на стол.

— Это за бинты и антибиотик.

— Многовато.

— Остальное — за твою доброту. Купи маме лекарств.

Я хотела отказаться, но он уже направился к выходу.

— Подожди, — окликнула я. — Ты... ты хотя бы скажи, куда мне звонить, если... ну, если что?

Он обернулся.

— Если что — я сам найду. Не ищи меня. Я буду приходить, когда смогу.

— И когда это «когда смогу»?

— Не знаю. Когда рана загноится или когда захочется увидеть самую странную аптекаршу в этом городе.

Он улыбнулся на прощание — и вышел.

Дверь закрылась. Я осталась одна в подсобке. На столе — деньги, грязные бинты, пустой пузырёк из-под валерианки (я не заметила, когда он его высыпал). На полу — капли крови.

Я села на стул, обхватила голову руками.

Что я творю?

Но где-то глубоко внутри, под слоем страха и здравого смысла, жило маленькое, тёплое чувство. Предвкушение.

Он вернётся. Я знала.

И я ждала.

Я просидела в подсобке до утра. Не могла уйти. Не могла уснуть на стуле — только смотрела на дверь, за которой он скрылся. В голове прокручивался каждый его жест, каждое слово. «Ты не умеешь быть жестокой». «Я никому не доверяю, кроме тебя». «Ты смелая».

Смелая. Я? Я, которая боится темноты, которая проверяет замок по три раза, которая глотает валерианку от любого чиха? Смелая.

Или просто отчаянная.

Я достала телефон. Мама прислала сообщение в два ночи: «Дочь, ты на работе? Ответь, когда сможешь». Я написала: «Всё хорошо, мам. Люблю тебя». И добавила смайлик. Мама любит смайлики.

Я подумала: если бы она узнала, что я здесь делаю — перевязываю бандита, — она бы умерла от разрыва сердца. Или приехала бы и убила меня сама. И Танка заодно. Мама у меня маленькая, но злая. Работает уборщицей, а характер —

как у генсека.

Я улыбнулась своим мыслям. Странно: ещё вчера я тряслась от страха, а сегодня уже могу шутить про маму и бандита.

Привыкаешь, Юля. Это плохо.

Но привыкать было приятно. Опасно, но приятно.

Утро наступило слишком быстро. Я не спала — опять. Сидела в подсобке, перебирала в уме наш разговор. Его слова. Его взгляд. Его руки.

В семь утра пришла тётя Таня. Увидела меня, покачала головой:

— Юль, ты опять ночевала здесь?

— Засиделась с отчётами, — соврала я.

— Иди домой, девочка. Спать. Ты на себя не похожа.

Я кивнула, собрала вещи и вышла.

Улица была серой, мокрой. Шёл мелкий дождь, который не прекращался уже третьи сутки. Я шла через дворы, смотрела под ноги, чтобы не наступить в лужу.

И вдруг остановилась.

На скамейке, прямо напротив моего подъезда, сидел он. Танк.

В той же чёрной куртке, с сигаретой в руке. Он смотрел на меня, как будто ждал.

Я подошла.

— Ты что здесь делаешь?

— Курю, — он выпустил дым в небо.

— Адрес мой откуда знаешь?

— Пробил. У меня есть связи.

— Это уже не навязчивость. Это слежка.

— Забота, — поправил он. — Я же сказал: пока я жив — никто тебя не тронет. Для этого нужно знать, где ты живёшь.

— Ты серьёзно? — я скрестила руки на груди. — Ты будешь караулить мой подъезд?

— Не караулить. Присматривать.

— Одно и то же.

— Для тебя — да. Для меня — нет.

Я посмотрела на него. Он сидел, откинувшись на спинку скамейки, и выглядел почти расслабленным. Почти. Только глаза выдавали — цепкие, внимательные, они сканировали каждый угол двора, каждое окно, каждую тень.

— Ты параноик, — сказала я.

— Выживаю, — ответил он. — Это разные вещи.

— Нет. Параноик — это когда ты сидишь под дождём у подъезда девушки, которую знаешь два дня.

— А выживающий — это когда ты знаешь, что за тобой охотятся, и делаешь всё, чтобы не подставить единственного человека, который тебя не сдал.

Я замолчала. Он был прав. И это бесило.

— Ладно, — сказала я. — Сиди. Но если мои соседи вы-

зовут полицию — это твои проблемы.

— Не вызовут. Я заплатил местному алкашу, чтобы он сказал, что я его племянник.

— Ты всё продумал?

— Как видишь.

Я покачала головой и пошла к подъезду. На полпути остановилась.

— Ты голодный?

— Что? — он не ожидал.

— Спрашиваю, голодный ли ты. Я могу сварить суп. У меня остались вчерашние пельмени.

Он уставился на меня, как на инопланетянина.

— Ты предлагаешь мне зайти к тебе домой?

— Нет, — я покачала головой. — Я принесу суп в термосе. Будешь есть здесь. Как бездомный пёс.

Он усмехнулся.

— Ладно. Принеси.

Я поднялась на девятый этаж, сварила пельмени (хотя это был не суп, а просто пельмени с бульоном), налила в термос. Добавила хлеб, ложку, соль.

Когда я вышла, он сидел на том же месте. Дождь усилился.

— Держи, — я протянула термос. — И не кашляй на мои пельмени.

— Спасибо, — он взял термос, открыл крышку. Понюхал.

— Пахнет хорошо.

— Это пельмени. Не ожидай ресторана.

Он ел молча, быстро, как человек, который привык есть на ходу. Я стояла рядом, прячась под козырёк подъезда, и смотрела.

Он ел и иногда посматривал на меня. Взгляд скользил по моему лицу, по рукам, по старой куртке. Я чувствовала себя под микроскопом.

— Ты правда не боишься, что я тебя убью? — спросил он, не поднимая головы.

— Если бы ты хотел меня убить — убил бы уже. — ответила я. — А ты просишь пельмени. Это другое.

— Может, я жду удобного момента.

— Может, — я пожала плечами. — Но тогда ты переоцениваешь свои силы. Я могу дать сдачи.

Он поднял голову. В глазах — смесь удивления и уважения.

— Ты странная, — повторил он.

— Ты уже говорил.

— Я ещё не раз скажу.

Он доел пельмени, закрыл термос и протянул мне.

— Спасибо. Я пойду.

— Куда?

— Неважно. Главное — не к тебе.

Он встал, отряхнул куртку. Посмотрел на меня сверху вниз.

— Юля, — сказал он. — Ты хорошая. Слишком хорошая для этого мира. Будь осторожна.

— Я всегда осторожна, — ответила я. — Это ты будь осторожен.

Он усмехнулся и ушёл. Быстро, бесшумно, как тень.

Я стояла с термосом в руках и смотрела ему вслед, пока он не скрылся за углом.

Дождь лил как из ведра.

А я думала: «Кто ты, Андрей? И почему я не могу тебя забыть?»

В тот день я не пошла спать. Стояла у окна на девятом этаже, смотрела на пустую скамейку и ждала, когда он вернётся. Он не вернулся.

Но я знала: это не прощание.

Это только начало.

Глава 3

Я проснулась от того, что за окном орала ворона.

Не просто кричала — она издевалась. Сидела на карнизе и выдавала такие рулады, что хоть уши затыкай. Я открыла глаза, посмотрела на телефон — 9:30. Через час первая пара. Я проспала будильник.

Снова.

Я села на кровати, свесила ноги. Голова гудела, как трансформаторная будка. Я не спала эту ночь — вернее, спала урывками, просыпаясь каждый час от любого шороха. Мне казалось, что за дверью кто-то стоит. Или под окном. Или в стене. Я даже вставала дважды, подходила к двери, прижималась ухом к холодному дереву — тишина. Только сосед сверху храпел да лифт где-то далеко гремел.

Паранойя. Заразилась от него.

Я встала, дошла до кухни, налила стакан воды. Выпила залпом. Поставила чайник. Пока грелся, смотрела на свои руки — они всё ещё пахли антисептиком, хотя я мыла их раз десять. Запах въелся в кожу, как память. Я поднесла ладони к лицу, вдохнула. Хлоргексидин, йод, и чуть-чуть — его кровь. Или опять кажется?

Ты должна забыть, Юля. Забыть и жить дальше.

Я достала из холодильника творог — просроченный на день, но ещё съедобный. Понюхала. Вроде нормально. Съела

две ложки, запила чаем. Мама бы сказала: «Юля, ты не кормишь себя нормально». Но мама далеко, а я не хотела тратить время на готовку. И деньги на нормальную еду — тоже.

Я оглядела кухню. Маленькая, тесная, с облупившимся кафелем на фартуке и вечно капающим краном. Я живу здесь одна уже третий год, но так и не привыкла к этой казённой бедности. Обои в цветочек — ещё от прошлых жильцов. Холодильник «Минск» 1987 года выпуска, который гудит как трактор. Плита с двумя работающими конфорками. Всё это напоминало мне, откуда я родом, и куда, вероятно, вернусь, если не выучусь.

Я оделась. Джинсы — единственные, которые не протёрлись на коленях. Свитер — мамин подарок на прошлый день рождения, шерстяной, тёплый, с вытянутыми рукавами. Куртка — та самая, с запахом крови. Я её всё-таки постирала, но запах остался. Или мне казалось. Я понюхала рукав — нет, вроде чисто. Но осадок в душе остался.

Выйдя из подъезда, я невольно оглядела скамейку. Пусто. Только мокрые листья и окурок — от его сигареты. «Винстон», синий. Я наступила на него, раздавила каблуком. Зачем запоминать марку сигарет? Зачем вообще думать о нём? Забудь.

Но пока я шла к остановке, я поймала себя на том, что оглядываюсь. Проверяю, нет ли за мной хвоста. Смотрю на мужчин в кепках — не тот ли Сергей? Вон тот, в тёмной куртке, с зонтом — он слишком долго стоит у ларька. А этот,

на автобусной остановке, читает газету, но глаза поднял, когда я прошла.

Юля, ты сходишь с ума. Ты — параноик второго поколения.

Университет встретил меня привычной суетой. В коридорах толпились студенты, пахло дешёвым кофе из автомата и потом. Кто-то смеялся, кто-то спорил о зачётах, кто-то спал на подоконнике — вечный студент Петров, который, кажется, не бывает дома. Обычный день. Обычная жизнь.

Я зашла в аудиторию, села на своё место — третья парта у окна. Катя уже была там, листала конспект и одновременно красила ресницы тушью — мастер многозадачности.

— О, живая, — сказала она, поднимая голову. — А я думала, ты сегодня не придёшь.

— Почему?

— Выглядишь как смерть. Под глазами круги, бледная, волосы нечёсанные. — Она наклонилась ближе, и я почувствовала запах её духов — дорогих, цветочных. — Юль, ты в порядке?

— Да, просто не выспалась.

— Врёшь. Ты всегда так говоришь, когда что-то случилось. — Катя отложила тушь и посмотрела на меня серьёзно. — Мы дружим уже три года. Я вижу, когда ты врёшь. Ты

не просто не выпалась. Ты... отсутствуешь. Как будто часть тебя где-то в другом месте.

Я промолчала. Катя вздохнула, поняла, что я не расколюсь, и вернулась к конспекту. Но я видела, как она то и дело бросает на меня обеспокоенные взгляды. Катя — хорошая подруга. Она бы поняла, если бы я рассказала. Но я не могла. Не потому, что боялась её реакции — а потому, что боялась втянуть её в эту историю. Чем меньше людей знает, тем безопаснее для всех.

Первая пара — биофизика. Профессор Рыжков, маленький суетливый мужичок с лысиной и вечно потеющими ладонями, рассказывал о мембранных потенциалах. Я делала вид, что слушаю, но мысли были далеко. Я рисовала в тетради какие-то загогулины — и вдруг поняла, что нарисовала букву «Т». Танк. Твою мать.

Я зачеркнула её жирной линией.

Я думала о том, как он сидел на скамейке под дождём. Ел пельмени из термоса. Смотрел на меня своими серыми глазами. И просил: «Пожалуйста, возьми. Ради твоей мамы». В его голосе не было жалости — было что-то другое. Понимание. Он знал, что такое терять близких. Или бояться их потерять.

Ты странная.

Может, я и правда странная. Нормальная девушка на моём месте вызвала бы полицию. Или хотя бы рассказала подруге. А я? Я кормлю бандита пельменями и перевязываю

его раны в подсобке аптеки.

Сумасшествие. Чистой воды.

На перемене я вышла в коридор, достала телефон. Пять пропущенных от мамы. Я перезвонила.

— Юля, наконец-то! — голос мамы звучал встревоженно.

— Ты почему не отвечаешь?

— Мам, я на парах была. Всё нормально.

— Ты вчера ночью работала?

— Да.

— Ох, дочка, поберегла бы ты себя. Ты же девочка, тебе спать надо. Я смотрела передачу про студентов — они совсем себя не жалеют, а потом болеют.

— Мам, мне нужны деньги. — Стандартный ответ. — Как твои анализы?

— Пришли. Врач сказал, что всё хорошо, операцию пока откладываем, будем лечить таблетками. Но таблетки дорогие, Юленька. Я не знаю...

— Мам, не переживай. Я достану деньги. — Я сказала это раньше, чем подумала. Достану откуда? С неба?

— Ты моя умница. Но не убивайся так. Я лучше без таблеток проживу, чем ты в больницу попадёшь от переутомления.

— Мам, всё будет хорошо. Я приеду на выходных.

— Приезжай, я пирогов напеку. С капустой, как ты любишь.

Мы попрощались. Я убрала телефон и почувствовала, как

с плеч свалилась маленькая гиря. Мама будет жить. Операция не нужна. Значит, я могу немного выдохнуть и не брать по три смены в неделю.

Но тут же вспомнила: аптека, Танк, бинты, антибиотики. Деньги, которые он оставил — три тысячи. Я их не взяла. Они лежали в подсобке, придавленные банкой с чаем. Надо будет вернуть.

Или не надо. Чёрт с ними.

Вторая пара — биохимия. Моя стихия. Я люблю этот предмет за его логику, за чёткость, за то, что в нём нет места случайностям. Фермент работает или не работает. Субстрат связывается или нет. Всё ясно, всё по полочкам. Здесь нет места чувствам, страхам, сомнениям. Только факты, цифры, реакции.

Профессор Серебряков вызвал меня к доске. Я написала схему гликолиза, объяснила каждый этап, назвала ферменты. Говорила на автомате, как робот. Он кивнул, постучал мелом по столу:

— Хорошо, Юлия. Пять. Но сегодня вы были не в своей тарелке. Что-то случилось?

— Всё в порядке, профессор. — Я улыбнулась дежурной улыбкой. — Немного устала.

— Отдыхайте, молодой человек. Наука никуда не убежит.

Я села на место. Катя шепнула: «Ты машина. Даже уставшая — лучшая на курсе». Я не ответила.

После пары я собралась уходить, но в коридоре меня перехватил незнакомец.

Он был одет в обычную одежду — джинсы, тёмная куртка, кепка. Ничего примечательного, такой же, как сотни других студентов или прохожих. Но лицо... лицо было каменное. Без единой эмоции. Глаза — как у рыбы на прилавке. Мёртвые. И в то же время — внимательные, цепкие. Он смотрел на меня так, будто оценивал: опасна ли я, или просто глупая девчонка.

— Юлия? — спросил он вежливо, даже с лёгкой улыбкой, но улыбка не дошла до глаз.

Я напряглась. Внутри всё сжалось в комок.

— Кто вы?

— Можете звать меня Сергей. — Он слегка наклонил голову. — У меня к вам разговор.

— Я вас не знаю.

— Зато я вас знаю. — Он оглянулся по сторонам — на студентов, снующих мимо, на профессора Рыжкова, который что-то объяснял двум первокурсницам. — Давайте пройдем к окну, чтобы не мешать людям.

Я хотела сказать «нет», развернуться и уйти. Но он уже двигался к окну в конце коридора, и я, как дура, пошла за ним. Ноги сами понесли. Любопытство? Или страх показаться слабой? Не знаю.

У окна было тихо. Только ветер дул в стекло, и за ним мокрые деревья качали голыми ветками. Внизу, на улице, шёл дождь — мелкий, нудный, как моё настроение.

— Что вам нужно? — спросила я, стараясь звучать твёрдо. Но голос чуть дрогнул.

— Передать кое-что. — Он достал из кармана конверт. Белый, плотный, без подписи. — Это вам.

— От кого?

— От человека, которому вы помогли. — Он протянул конверт. — Возьмите.

Я не взяла. Скрестила руки на груди.

— Я ничего от него не хочу.

— Это не подарок. Это плата за услуги и... компенсация морального ущерба. — Он сунул конверт мне в руки, и я, рефлексивно, чтобы он не упал, взяла. — Внутри записка. Прочтите.

Я открыла конверт. Там были деньги — толстая пачка, не меньше пятидесяти тысяч. У меня перехватило дыхание. Пятьдесят тысяч — это моя стипендия за год. Это мамины таблетки на полгода. Это новая куртка, нормальная еда, возможность не считать каждую копейку.

И записка. На простом белом листе, написанная чёрной ручкой, неразборчивым, мужским почерком:

«Молчи — будешь жить. Танк»

Я смотрела на эти слова, и внутри меня поднималась волна. Сначала холод — руки задрожали. Потом жар — бросило

в лицо. А потом — ярость. Горячая, дикая, как будто кто-то включил все горелки одновременно. Как он смеет? Как он смеет присылать мне угрозы? И деньги? Покупает моё молчание?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.